

кой выработки этихъ понятій, которая движется въ предѣлахъ чистаго разсужденія по причинамъ, онъ такъ же быстро отшатнулся, не согласуясь съ ея условіями волей своихъ прихотей.

Такимъ путемъ создано имъ было особое творчество— не художественное и не научное, а составленное изъ отраженій и тѣней, съ одной стороны—отъ внѣшнихъ впечатлѣній и настроеній воображенія, съ другой стороны—отъ понятій и обобщеній отвлеченной мысли. Единственной управляющей силой этого творчества является влеченіе (инстинктъ) мгновеннаго расположенія личности. Этотъ ходъ творчества самъ сочинитель превосходно обозначилъ словами: „сухое опьяненіе мое“.

Въ отвлеченіяхъ этого творчества развертывается необычайное по осязательности и кровности ощущеніе всѣхъ основныхъ міровыхъ противоположностей. Изъ души живущаго не выходитъ сознаніе, что міръ и единъ и безконечно множественъ, находится и въ вѣчномъ движеніи и въ вѣчной неподвижности, что жизнь и радость и страданіе, что въ человѣкѣ—и безсиліе и всесиліе. Въ двухъ лирическихъ отрывкахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ въ обнаженномъ видѣ ходъ жизни во Времени, чувство трехъ его раздѣленій *, а другой состоитъ изъ

* „Прошедшее. Настоящее и Грядущее“.

ряда вопросовъ, расположенныхъ по парамъ, и въ каждой парѣ вмѣщающихъ противоположные исходы міровыхъ разногласій *,—это чувство жизни, сосредоточенное можетъ быть безъ художественнаго и мыслительнаго совершенства, невольно поражаетъ и широтой ощущенія.

Есть однако и другія мѣста въ этомъ творествѣ, всегда исчерпывающіяся въ двухъ—трехъ словахъ, гдѣ оно достигаетъ великаго и глубокаго значенія. И тогда красота этихъ мѣстъ—такая, которая представляетъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто вполне среднее между красотой образныхъ настроеній и красотой умственныхъ разсужденій и обобщеній, нѣчто, указывающее на чистое единство между мыслью и чувствомъ, наукой и искусствомъ, безличностью и личностью. Въ другихъ частяхъ того же творчества — лишь обрывки красокъ и образовъ и отзвуки отвлеченныхъ понятій.

Чтобы осуществить свой замыселъ о сотвореніи своего міра внѣ человѣческихъ чувствъ и внѣ человѣческихъ мыслей, внѣ тѣла и внѣ ума, этому человѣку оставалось выбрать, какъ наиболѣе цѣлесообразный путь, цѣльное тайновидѣніе и тайнодѣйствіе, упражненія въ тѣхъ состояніяхъ иного сознанія, которыя были извѣстны чи-

* Эта пьеса начинается словами: „Всталъ ли я ночью?“.

стымъ мистикамъ всѣхъ вѣковъ, прежде всѣхъ индійскимъ волхвамъ, далѣе новоплатоникамъ и гностикамъ, а въ обителяхъ восточнаго христіанства производились подъ названіемъ „умнаго дѣланія“. Таковъ прямой путь къ перерожденію сознанія силой одной личной воли. Повидимому, оставивъ словесное творчество, Александръ Добролюбовъ и сталъ на этотъ путь. Но заранѣе должно предположить, что, помимо этого пути къ пересозданію міра для себя, волѣ его будетъ необходимо еще осуществить пересозданіе сознанія и у другихъ существъ. Изъ свойствъ его личности проистекаетъ, что отъ борьбы съ общежитной, общечеловѣческой и личной природой въ себѣ самомъ, онъ обратится къ борьбѣ съ общечеловѣческой и личной природой и въ другихъ личностяхъ. Въ этомъ привѣтствуемъ мы будущую задачу этого великаго духа, который на зарѣ своей дѣятельности пытался осуществить ее въ творествѣ словесной красоты.

Иванъ Коневской.

Петербургъ,
2 сентября 1899 г.

О РУССКОМЪ СТИХОСЛОЖЕНИИ.

Изучающіе законы стиха обычно поддаются господствующему въ наукѣ теченію смотрѣть на явленія съ исторической точки зрѣнія. Великая и плодотворная мысль о развитіи, эволюціи, такъ наконецъ ослѣпила изслѣдователей, что они почти исключительно хотятъ знать, какъ нѣчто возникло, а не что оно такое по своей сущности. Но надо помнить—по выраженію одного англійскаго мыслителя, писавшаго объ этомъ пристрастіи,—что вещи не только становятся (become), но и суть (are).

Можетъ быть стихъ, размѣръ возникъ изъ подражаній звукамъ природы или пѣнію птицъ, можетъ быть онъ возникъ изъ такта пляски или изъ равномернаго напряженія мускуловъ при работѣ... можетъ быть. Возникнуть стихъ могъ разными путями, но наука о искусствѣ должна еще рѣшить, что онъ есть по себѣ. Не забудемъ, что стихъ являлся у самыхъ различныхъ народовъ, на всѣхъ кон-

цахъ земли, во всѣ вѣка; — это свидѣтельствуешь, что стихъ не случайность, не придуманное украшеніе.

Стихъ нуженъ человѣку, потому что у него есть потребность сказать иныя рѣчи болѣе выразительно, чѣмъ то можетъ разговорный языкъ, такъ чтобы сказанное запало въ душу. Стихотворная рѣчь достигаетъ этой цѣли тѣмъ, что дѣлитъ рѣчь на опредѣленные, легко обозримыя части. Стихъ есть нѣкоторое цѣлое. Въ этомъ сущность стиха—метрическаго, тоническаго, силлабическаго, всякаго. Каждый стихъ долженъ обладать душой, ему дана поэтѣмъ обособленная жизнь. Ошибается, кто при чтеніи вслухъ не отмѣчаетъ этой цѣлостности стиха.

Мѣра стиха — образъ. Величина стиха опредѣляется количествомъ заключенныхъ въ немъ образовъ, то есть / вообще важныхъ, значущихъ выраженій. Въ отдѣльномъ произведеніи стихи или равновелики или находятся между собой въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, составляютъ половину, треть, четверть *. Тѣ стихи равновелики, которые равны по количеству образовъ. Образы эти стоятъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, хотя бы—въ самомъ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ. Вниманіе привыкаетъ къ такому расположенію, читатель ждетъ на привычномъ мѣстѣ важ-

* У прежнихъ поэтовъ эти отношенія проще; у современныхъ болѣе сложныя, выражаемыя иногда дробями съ знаменателями 5,7..

наго для смысла выраженія. Слѣдовательно стихъ еще располагаетъ слова по значенію, какъ бы выдвигаетъ болѣе важныя, привлекаетъ къ нимъ вниманіе.

Измѣреніе стиха числомъ долгихъ и краткихъ гласныхъ, или просто числомъ слоговъ, или числомъ удареній—лишь вспомогательное средство. Съ помощью такого счета легче различить, гдѣ кончается стихъ, слушателю легче дѣлить стихъ на отдѣльныя части—стихи. Въ метрическомъ стихосложеніи счетъ моръ (*mora*) оказываетъ значительную помощь, ибо стихи бываютъ равны по времени, какое нужно на ихъ произнесеніе; менѣе помогаетъ счетъ удареній въ тоническомъ стихѣ, еще менѣе счетъ слоговъ въ силлабическомъ; вотъ почему въ этихъ послѣднихъ стихахъ обычно употребляютъ риѣму, созвучіе, чѣмъ рѣзче означается конецъ стиха. Для читающаго глазами, въ книгахъ, много помогаетъ, что каждый стихъ начинается строку.

Въ теченіе многовѣковой жизни стихъ видоизмѣнялся, развивались его отдѣльныя стороны, особенно звучность. Въ наши дни прогласица стиха (мелодія) придаетъ какъ бы новое значеніе словамъ. Игра второстепенными удареніями, сочетанія начальныхъ и рѣзкихъ согласныхъ, внутреннія созвучія—все это могучія средства для искуснаго стихотворца. Но, конечно, слова подобранныя только такъ,

чтобы они красиво звучали, еще не образуютъ стиха. Сущность стиха—равновѣсіе образовъ, а звучность—его прикраса.

Въ Западной Европѣ стихосложеніе основано на началахъ, найденныхъ народомъ./Мы же отвергли народный способъ складывать стихи, и заимствовали стихъ сначала у поляковъ, потомъ у нѣмцевъ./Русскому языку доступно какъ тоническое, такъ и силлабическое стихосложеніе (мнѣніе, что силлабическій стихъ связанъ какъ то съ постоянствомъ удареній ни на чемъ не основано и опровергается примѣромъ хотя бы итальянскаго языка), но *оба* они намъ чужды. Это чувствуется уже въ той робости, съ какой пользуются тоническимъ стихомъ русскіе поэты. Мы не допускаемъ и десятой доли вольностей, обычныхъ въ англійскихъ стихахъ. Область нашихъ точныхъ созвучій крайне бѣдна (сравнительно, на примѣръ, съ французскими), и наши поэты постоянно возвращаются къ однимъ и тѣмъ же риемамъ. Многія русскія слова не укладываются ни въ какой тоническій размѣръ. Бѣдные изгнанники, о которыхъ *versu non dicere possis*... — по выраженію римскаго поэта.

Тоническій стихъ дорогъ намъ, ибо имъ писали—Пушкинъ, Баратынскій, Тютчевъ, но вѣдь не сохраняемъ же мы изъ поклоненія имъ усѣченія прилагательныхъ, риемованіе *ѣ* съ *ъ*, имена олимпійскихъ боговъ, и иное по-

добное. Что до Пушкина, онъ любилъ народные размѣры и къ концу жизни все чаще возвращался къ нимъ. При томъ развѣ не естественно поставить выше авторитета великихъ русскихъ писателей—примѣръ народа, который вѣками раздумывалъ, какъ бы поскладнѣе сложить пѣсню и конечно зналъ духъ русскаго языка, имъ самимъ созданнаго. А русское стихосложеніе, что бы ни говорили его изслѣдователи *,—не тоническое.

Мнѣ кажется, что ни въ одномъ стихосложеніи не выразилась такъ ясно самая сущность стиха, какъ именно въ былинномъ складѣ, въ стихѣ нашихъ сказителей. Стихи въ былинахъ обычно равны между собой. За стопу (за образъ) считается не непременно слово, а вообще цѣлостное понятіе; таковы сложные слова „Океанъ море“, „тугой лукъ“, „по утру рано“, таковы и соединенія совершенно самостоятельныхъ словъ, если они тѣсно связаны по мысли. Если такихъ выраженій въ стихѣ будетъ нѣсколько, стихъ будетъ длиненъ, если, наоборотъ, важное значеніе имѣютъ слова, небольшія по числу слоговъ, стихъ будетъ коротокъ. Вотъ два трехстопныхъ стиха:

Чтобы въ чистомъ полѣ | добрый конь | да сподъ сѣдла
не выскочилъ,

Добра молодца | въ чистомъ полѣ | не выронилъ.

* Стоять вниманія два изслѣдованія о русскомъ народномъ стихосложеніи:

1) П. Д. Голохвастовъ. Законы стиха. Памят. древн. писъм. Спб. 83. 2) О. Е. Коршъ. О русскомъ народномъ стихосложеніи. Извѣстія Акад. Наукъ. Спб. 96—7.

А вотъ короткій стихъ тоже трехстопный:

Вси | на пиру | да напивалися.

Въ старинкахъ и пѣсняхъ, сложенныхъ однимъ размѣромъ (напр., трехстопнымъ), нерѣдко встрѣчаются стихи и иные (двухстопные, четырехстопные). Это—или застывшіе стихи, переходящіе изъ одной пѣсни въ другую, или стихи, образующіе особый отдѣлъ, самостоятельный по смыслу, изъ двухъ стиховъ и болѣе; иногда же это стихъ, имѣющій важное значеніе, который необходимо выдѣлить. Вотъ примѣръ вставочныхъ, двухстопныхъ стиховъ:

Засвисталъ по соловьиному,

Закричалъ онъ по звѣриному.

— .

Съ горы на гору, съ холмы на холму.

Въ русскихъ словахъ удареніе имѣетъ громадное значеніе; гласныя подъ удареніемъ произносятся четко, близкіе согласныя тоже; неударные слоги, напротивъ, глухи, иной разъ теряются. Русскій стихъ, конечно, не можетъ пренебречь удареніемъ. И народное стихосложеніе приняло его во вниманіе, но какъ средство благозвучія—не болѣе. Въ народныхъ стихахъ нѣтъ столкновеній удареній,

промежутки между удареніями не слишкомъ велики — и только. Знаю, что можно найти въ народныхъ стихахъ ямбы и хорей, какъ ихъ находилъ уже Третьяковскій, а позднѣе Гильфердингъ, но ихъ можно найти и въ любой русской прозаической рѣчи *.

Стихи, къ изданію которыхъ настоящая статья служить вступленіемъ, замѣчательны между прочимъ и своимъ складомъ. Въ нихъ сдѣлана попытка освободиться ото всѣхъ обычныхъ условій стихосложенія. Иногда въ нихъ чувствуется тоническій размѣръ, потомъ онъ исчезаетъ; иногда возникаетъ рима, иногда ея нѣтъ. Стихъ повируется только внутреннему размѣру настроенія, а не внѣшнимъ правиламъ. Этотъ складъ скорѣй всего напоминаетъ вольные стихи (*vers libres*) современныхъ французскихъ поэтовъ Verhaegen'a, Vielé Griffin. А. Добролюбовъ читалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но стоитъ обратить вниманіе, что онъ (какъ то видно изъ его перваго сборника) любовно и внимательно изучалъ и русскіе народные стихи.

Валерій Брюсовъ.

* Въ тѣни высокой липы
На берегу Москвы рѣки
Недалеко отъ Кунцева

Въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней...

Эти ямбы составляютъ начало Тургеневскаго „Наканунѣ“.